
Л.В. Скворцов

**ПОНЯТИЕ ГЕТЕРОТОПИИ
И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ***

Аннотация. Дается оценка разработанной М. Фуко концепции гетеротопии. Автор считает, что Фуко понимал гетеротопию не только как материализованное по отношению к месту «нормальной» жизни иное место (тюрьма, психиатрическая клиника, библиотека, кладбище, территория колоний, корабль и т.д.), но и как иное место нахождения истины социальной жизни. Доказывается, что концепция М. Фуко стала предвосхищением механизмов управления массовым сознанием в глобальной политике XXI в.

Ключевые слова: Мишель Фуко, гетеротопия, мировая история, политическая гегемония, археология знания.

Скворцов Лев Владимирович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН, Москва. E-mail: retradazia@gmail.com

L.V. Skvortsov. The Concept of Heterotopia and the Contemporary World Order: The Problem Statement

Abstract. The article is devoted to Michel Foucault's understanding of heterotopia. He states that heterotopia is not only the reality of «other place» (prison, psychiatric clinic, library, cemetery, colony, ship, etc.), but also the other place of the social life truth. M. Foucault's conception is the premonition of forms and methods of discourse objectivity as the ruling force of mass conscience in global politics of the 21st century.

Keywords: Michel Foucault, heterotopia, the world history, political hegemony, archaeology of knowledge.

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17 33 000 25.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Skvortsov Lev Vladimirovich – Doctor of Philosophy,
Professor, Head of the Center of humanitarian research
information studies of the Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow. E-mail: retradazia@gmail.com

С «легкого пера» Мишеля Фуко в оборот гуманитарного знания все шире входит термин «гетеротопия», т.е. «иное место».

Закономерно возникает вопрос: чем объясняется широкое применение этого термина в среде специалистов в области гуманитарного знания? С точки зрения реалий эмпирического бытия «иное место» – это некая тривиальность пространства и времени. На самом деле любая точка окружающего пространства имеет свое рядом лежащее «иное место». Стало быть, пространство можно представить как бесконечность «иных мест», расположенных вокруг той точки, в которой находится наблюдающий окружающую реальность субъект.

Это рассуждение можно отнести и к феномену времени. На самом деле, в отношении момента настоящего времени любой момент прошлого или будущего превращается в «иное место».

Таким образом, концептуальное содержание гетеротопии оказывается *бессодержательным*, не имеющим конкретного смысла, если не считать смыслом абстракцию, т.е. пустоту некой универсалии места.

Ситуация с определением гетеротопии меняется кардинально, если то место, в отношении которого определяется гетеротопия, отождествляется с определенным содержанием *смысла бытия мыслящего субъекта*, находящегося в данной цивилизационной точке пространства и времени.

Мыслящий субъект – это не абстракция места, а несущая в себе *реальность поиска* адекватного своей сущности содержательного бытия, отвечающего требованиям позитивного, и в конечном счете *абсолютного смысла*. Эта реальность может быть представлена в качестве атрибута подлинности человека, отличающей его от иных живых существ, образующих биологическое пространство и время.

Существует точка зрения, что именно Мишель Фуко определил местоположение тех социальных смыслов, реальность которых оказывает влияние на общее упорядоченное поведение людей, отклонение от которого влечет за собой закономерное наказание [1, с. 121–122].

Оценивая глобальную ситуацию второй половины XX в., Фуко, естественно, не мог не видеть ее парадоксальности. Эмпирические описания, которым следует Фуко, стали тем основанием, на которых он и сформировал свою концепцию *гетеротопии*. Подготовленный весной 1967 г. в Тунисе текст он разрешил опубликовать только в 1984 г. Это объясняется теоретической неопределенностью текста.

Современную эпоху он характеризовал как эпоху Пространства, представляющую из себя сеть взаимодействующих точек, образующих скорее конфигурацию, нежели развитие во времени. Цивилизационные образования оказываются помещенными в различные места, куда их помещали силой, либо где они обрели естественное местоположение и покой. Это положение дел можно назвать «пространством локализации», которое распахнулось после построения Галилеем бесконечно открытого пространства.

Фуко утверждает, что наша жизнь руководствуется признанием пространственных оппозиций – между частным и публичным пространством, пространством семьи и социальным пространством, пространством досуга и пространством труда.

Мы живем не в пустом пространстве, а в пространстве, заряженном определенными качествами: *верха*, пространство вершин жизни, и пространство *низа*, как пространство грязи.

Если перенести это толкование заряженного пространства на современную глобальную ситуацию, то можно из определенного центра увидеть распространенную ненормальность жизни, которую и можно определить как пространство «*грязи*» (физическое и моральное).

Естественно, что грязь нужно вычищать любыми доступными средствами. Такова логика гетеротопии.

Возможно ли ненасильственное очищение от «грязи»?

Одним из ненасильственных средств преодоления низового пространства можно считать *утопию*. Фуко считает, что качественное деление пространства оказывается предпосылкой отталкивания от всякого места в нем, и рождения *утопии*, местоположения без реального места, выражающей усовершенствованное общество, либо изнанку общества.

Фуко считал, что в каждой культуре, в каждой цивилизации существуют места и институты, являющиеся *фактически реализованными утопиями*. Это места, которые являются абсолютно иными, нежели все места, которым они противостоят. В противоположность утопиям эти места Фуко называет *гетеротопиями*. Гетеротопия – это исключительное место по отношению к основным местам социума, воспринимаемым как *нормальная реальность жизни*. Между нормальной реальностью жизни и гетеротопиями Фуко помещает *Зеркало* как своего рода смешанный, срединный опыт. В этом срединном опыте я вижу себя там, где меня нет; зеркало – это утопия, моя собственная видимость, которая воздействует на занимаемое мной реальное место. Я начинаю смотреть на себя и восстанавливать себя там, где я реально нахожусь.

Фуко применяет *эмпирический подход* к рассмотрению форм и типов гетеротопий. При этом он, естественно, обнаруживает *разрывы* между гетеротопиями, разрывы скорее пространственные, нежели временные. Первостепенная задача, считает он, заключается в том, чтобы узнать, как одна

и та же модель может состояться в едином горизонте для разделенных во времени умов и народов.

Феномен гетеротопии, как его толкует Фуко, утверждается как явление, имеющее фундаментальное значение для легитимации принципиально нового методологического подхода к интерпретации исторического цивилизационного процесса.

Имплицитно исторический цивилизационный процесс воспринимается как общечеловеческое восхождение к универсалиям доблести, определенным философской мыслью, к мудрости, здравомыслию, мужеству, справедливости, благочестию.

Гетеротопия свидетельствует об отсутствии такого восхождения. Гетеротопия – это основа множественности страт, требующих для своего истолкования членения и хронологической спецификации. И таким образом вместо непрерывной единой работы разума возникают *краткие очередности, встающие против единого закона*. Принятие этой методологии делает легитимным понятие *прерывности*, которое должно теперь занять важнейшее место в исторических и гуманитарных дисциплинах. Фуко считал, что прерывность должна из препятствия исследования превратиться в *практику* и восприниматься как *необходимый концепт*. Так должна родиться *тотальная история*, которая видит мир в *виде рассеяний*.

Гетеротопия размещает массу людей в фиксируемые формы *рассеяния* [1, с. 121–122]. При всех различиях, при всей исключительности индивидуальных форм цивилизационного поведения нельзя не видеть *повторяемости типов* этого поведения. И в этой повторяемости наблюдается влияние внутренней ценностной иерархии, определяющей мотивацию как индивидуальных, так и социальных форм человеческого поведения. Неспособность восприятия нравственных универсалий – это проявление неспособности восприятия универсалий человеческих реалий, реалий жизни и смерти. Иными словами, процесс повторяемости является процессом формирования человеческого объекта знания, который объединяет исторически возникающие различия феноменов жизни.

Если константность этих свойств не подлежит «разрыву», то она формирует и определяет мотивы и качества поведения человека. Человек мотивирует свое поведение самыми различными способами, чтобы создать ту сеть, на которой лично он сохраняет себя или возвышает свой статус. Объяснение его поведения требует обращения к знаниям лингвистики, этнологии, экономики, литературы и даже теории мифа.

Вместе с тем когда все человечество оказывается перед реальной угрозой *самодеструкции*, то массы людей независимо от их специфических особенностей, будут проявлять *идентичные тенденции поведения*. Это значит, что

существуют некие привилегированные типы исторической объективности, которые диктуют идентичные формы поведения людей.

Фуко, исходя из своей концепции рассеяния в качестве истины, формулирует противоположное заключение. Так, применительно к психиатрическому дискурсу XIX в. он делает вывод, что этот дискурс характеризуется не существованием какого-либо привилегированного объекта, а тем, как этот дискурс *формирует свои объекты*, которые при этом остаются рассеянными... Любой объект исследуемого дискурса обретает там свое место и законы своего появления [3, с. 44].

Такой подход открывает по сути дела неограниченные возможности для «перелицовки» истории и исторических фактов и для всей системы глобальной информационной войны. Так, например, если мыслительная рубрика будет ограничиваться победоносными действиями западных союзников в годы Второй мировой войны, то тогда форсирование Ла Манша и открытие второго фронта в 1944 г., в канун разгрома армий вермахта советскими Вооруженными силами, можно представить как то «решающее сражение», которое стало поворотным пунктом в разгроме германского нацизма.

Фуко считает, что необходимо заменить сокровенные сокровища вещей дискурсом, регулярной формацией объектов. Так создается современная историческая дискурсивных объектов, которые не погружаются в глубины общей первоначальной почвы, а приводят отдельные рассеянные регулярности в определенную связь, соответствующую не менее определенным интересам и целям.

Фуко считает, что установление такого рода объектов дискурса не требует исследования их смысла, поскольку сама эпоха характеризовала этот смысл как «тихое помешательство». Подобного рода анализ Фуко считал излишним. Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт [3, с. 47–48].

Дискурс создает новую реальность, которая, при наличии общего согласия, может претендовать на статус признанной истины, в отношении которой истина, опирающаяся на реальность общей первоначальной почвы, может подвергаться скептическому отрицанию, как индивидуальная, а значит, субъективная точка зрения.

* * *

Рождение диктатуры коллективного мнения, подавляющего своим «авторитетом» объективную истину – явление, характерное для современной эпохи.

Содержание и утверждение конечных заключений этой практики определяется ответом на вопрос «кто говорит?». В зависимости от того, кто говорит, дискурс обретает *презумпцию истинности*. Статус индивидов, обретающих

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

право отдавать предпочтение именно данному дискурсу, также определяет институционализированную область, в которой на законном основании формируются специфические объекты и инструменты верификации, поле документации, совокупности отчетов и опубликованных результатов. Так, говорит Фуко, разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и освобождаются совокупности правил, обуславливающих дискурсивную практику [3, с. 48].

Хотя Фуко формирует эти выводы на основе медицинской практики, очевидно, что они в современную эпоху обретают универсальный смысл воздействия на формирование в нужном направлении глобального общественного мнения.

Для получения необходимого результата не нужно следовать логике дедуктивных схем, т.е. логике последовательности рассуждения, а нужно правильно определять возможные распределения рядов высказываний, наглядных рассуждений, порядка описаний, способов перераспределения временных событий, определяющих взаимозависимость гипотезы и верификации.

Так формируется «поле присутствия», то, что могло попасть в поле наблюдения и то, что тысячекратно передавалось из уст в уста, что можно определять как суждения по аналогии, как общие принципы и модели, как область памяти.

На этом основании определяются *возможности вторжения*, которые, не затрагивая истины, могли бы переводить количественные высказывания в качественные, т.е. определяющие формы иерархии и подчинения, способы высказываний и видов критики, комментирования и интерпретации различных высказываний и точек зрения.

Вместе с тем это позволяет установить, каким образом различные высказывания могут возникать и распадаться, заново собираться, расширяться или ограничиваться, приобретать новый смысл. Такой дискурс может существовать на *доконцептуальном уровне*, который Фуко связывает с действием *теоретических схем*, таких как атрибуции, артикуляции, обозначения и деривации.

Эти схемы позволяют определять свою область *правомерности*: в соответствии с *какими критериями*, требованиями формата мы можем диспутировать об истине или ложности, исключать некоторые высказывания как не свойственные данному дискурсу. Дискурсивный уровень выводов не отсылает ни к горизонту идеальной логики, ни к эмпирическому генезису абстракций. Дискурс здесь не является выражением внешнего, т.е. адекватным отображением реальности. *Он является местом рождения концептов.*

Поле дискурса позволяет выявиться возможности гетерогенной множественности концептов, что приводит к расширению тех тем, верований и репре-

зентаций, к которым мы сами добровольно обращаемся, когда формируем историю идей [3, с. 63].

Формирование концептов, не связанных с почвой исторической реальности, создает идеальное основание игнорирования традиционных формационных и экономико-технологических классификаций этапов исторического движения цивилизаций. Теории первобытнообщинного строя, феодального, капиталистического общества, как и аграрного, индустриального, постиндустриального, информационного общества, как представляется, страдают одним общим недостатком: они определяют конечную цель истории. Идею конечной цели несет в себе и неolibеральная доктрина, пытающаяся догматизировать идею рыночной экономики как конечной стадии истории.

Деструктивные конвульсии государств, в которых практически реализуются «конечные цели», расчищают ментальную почву для восприятия теоретических схем на доконцептуальном уровне, имеющих характер и свойства гетеротопий.

Отход от почвы можно успешно реализовать, если в теориях научных дисциплин, таких как лингвистика, экономика, психиатрия, естественная история обнаруживаются альтернативы, даже не принадлежащие одному временному отрезку, представляющие себя в формуле «либо... либо». Концептуальное рассеивание заставляет формировать дискурсивные подгруппы.

Применительно к истории научных дисциплин выявление взаимоисключающих концептуальных заключений вполне естественно, так как зрелые научные заключения будут соотноситься с выводами первоначальных этапов становления науки. Но если формула «или... или» полагается равноценной применительно к *любой* стадии развития науки, то тогда будет происходить легитимация донаучных фантазий.

И Фуко, конечно, ошибался, когда утверждал, что описанные таким образом стратегии не укореняются применительно к науке за пределами дискурса в глубине предпочтений и не являются ни выражениями мировоззрения, ни проявлениями лицемерного «интереса», скрывающегося под благообразным покровом теории.

Методология формирования дискурсивных объектов оказалась пригодной для создания системы глобального управления общественным мнением современного мира.

Глобальное управление общественным мнением приобрело приоритетный смысл, поскольку оформилась потребность направить процессы интернационализации цивилизационной жизни в узкое русло утверждения в мире цивилизационных *стандартов*, отвечающих интересам «исключительной» державы и многонациональных корпораций.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Утверждение этих стандартов требовало информационной дискредитации их возможных идейных противников и культивирования авторитета нужных дискурсивных объектов.

Это – форма информационной диктатуры, опирающейся на владение средствами информации, теоретические разработки и безусловный авторитет согласованной коллективной позиции.

Эти стратегии как раз и служили целям сокрытия лицемерного интереса путем профессионально разработанного механизма формирования нужных дискурсивных объектов. Нужные дискурсивные объекты становились основанием для различения «правильного» и «неправильного», независимых от сущности объективной истины.

Как показал исторический опыт, легализация принципа гетеротопии применительно к науке нежелательна, поскольку влечет за собой подрыв ее авторитета изнутри. Пророки «правильности» принесли миру вирус духовного заболевания, приведшего в XX в. к цивилизационной катастрофе.

Этот вирус, однако, не исчез. Он породил формирование новых дискурсивных объектов, сущность которых сводится к оправданию новых вариантов глобального гегемонизма [2, с. 364–372].

Как оказалось, задуманную глобальную геополитическую игру цивилизационный гегемон не может выиграть, не используя информационную методологию формирования нужных для реализации его планов дискурсивных объектов. Но он может ее и проиграть, если ему будет противопоставлена информационная контригра, основанная на *почве*, т.е. объективных фактах цивилизационной жизни и глобальной политики.

* * *

Выигрыш или проигрыш в современной глобальной информационной войне определяется реальным смыслом политики, нацеленной на формирование современного цивилизационного порядка. Народы современного мира объективно оказались перед *альтернативами политики*. Эти альтернативы возникают как реакция на политику глобального гегемонизма.

Глобальный гегемонизм – это осознанная необходимость, нацеленность на то, чтобы естественные процессы интернационализации современной цивилизационной жизни, в которой свободно участвуют все народы, направить в русло их подчинения так называемому «новому порядку». Глобальный субъект формирует мир дискурсивных объектов для утверждения собственного величия как истины власти, которая может быть и должна быть признана всеми.

Дискурсивные объекты – это новая «логика» и эмпирическое свидетельство этой «истины». Они представляют собой определенную реальность, 226

которая наличествует как знание, истинность которого утверждается коллективным мнением большинства. Если большинство громко и уверенно утверждает, что король облачается в великолепные одежды, скроенные и сшитые по самой изысканной моде, то истину оказывается способен провозгласить вслух только мальчик, сказавший, что король, на самом деле, голый. Но кто поверит мальчику?

Концепция археологии знания – это идейная предпосылка теоретической легитимации *информационной* дискурсивной объективности как мира гетеротопии, иной действительности.

Было бы крайне легкомысленно упрощать эпистемологическое толкование феномена гетеротопии как фантомной реальности. Фуко решительно отличал гетеротопии от утопии. Утопические представления об *ином*, идеальном, райском, гармонично организованном социальном мире, воспринимались как мечтания, как запредельные цели, сверхъестественные миры, сновидения. Эти представления не претендовали на статус реального знания, имеющего отношение к научным представлениям.

Фуко анализировал историю представлений психиатрии, естественной истории, экономических учений: это была та эмпирическая почва, на которой формировалось учение об археологии знания. Дискурсивный объект представлялся как *действительная реальность* в самых различных, но не совсем обычных для нормальной жизни формах.

Сущность гетеротопии раскрывает дискурсивная объективность, коллективно признаваемая как действительность, воспринимаемая массовым сознанием и поведением в качестве истины. И как *таковая*, она становится очевидной реальностью именно в формах поведения, а значит, и в *определенных результатах, продуктах этого поведения*. А это значит, что дискурсивные объективности в своих идеальных формах начинают соответствовать создаваемой реальности жизни. Так раскрывается смысл гетеротопии, находящейся между первоначальным фантомом и последующей за ним реальностью.

Становится понятным, почему М. Фуко сближал свою концепцию археологии знания с историей идей и в то же время видел их принципиальные отличия. Он давал себе ответ на вопрос: как и почему дискурсивные объекты в конце концов оказываются тем же явлением, что и фигуры, определяемые психиатрией, политической экономией или естественной историей, из которых он эмпирически исходил.

Нужно было знать, работает ли это устройство и что именно оно способно производить. Это – история вечных сюжетов, которые образуют спонтанную стихийную философию для тех, кто никогда не философствует. Это скорее анализ точки зрения, нежели анализ собственно знания, менталитета. Она следует генезису, который дает рождение искусственным системам и произведениям и может продемонстрировать, как научное знание при этом рассеивается

вается, уступая место популярным концептам, устанавливая их отношения с обычаями и нормами социального поведения, потребностями и безмолвными практиками [3, с. 136].

Археология знания, как ее трактовал М. Фуко, стремится определить не мысли и образы, которые скрыты в дискурсах, но сами дискурсы в качестве практик, подчиняющихся определенным правилам. Она определяет типы и правила дискурсивных практик.

При этом археология пренебрегает темпоральными последовательностями: она исследует общие правила, одинаково верные и применимые во всех точках времени [3, с. 164].

Дискурс – это путь, ведущий от одного противоречия к другому. Он предназначен для описания различных пространств разногласия, бесконечной игры противоречий, достигающих кульминации в коренном конфликте.

Фуко находит эти черты дискурса в истории науки. Рассматривая конфликт между креационизмом и эволюционизмом в естественной истории XVIII в., между утверждением об органическом происхождении полезных ископаемых и представлением об их неорганической природе, Фуко выявляет исходные и финальные точки фундаментальных противоречий, которые составляют *terminus a quo* и *terminus ad quem*. В этом он видит характерные позиции субъектов с их концептами и выборами стратегий. Здесь существенны именно внутренние присущие оппозиции.

Концепты и стратегии рассматриваются в контексте «группового поля», т.е. событий, действий, политических решений, экономических процессов, демографических колебаний, социальных требований.

Горизонт археологии – это не сама по себе наука, а *скрещивание* так называемых «интерпозитивностей», установление археологических корреляций, выявление того, как дискурсивные формации связаны с *недискурсивными системами*. Так, например, причинный анализ в этом контексте заключается в том, чтобы выяснить, в какой степени политические изменения, экономические процессы могли определять сознание научных деятелей: их кругозор, направленность интересов, систему ценностей, взгляд на вещи. Совершенно справедливо, – говорит Фуко, – я никогда не представлял археологию ни как науку, ни как основание для науки будущего [3, с. 161, 201].

Связь формаций дискурса с недискурсивными системами открывает новые поля определения норм жизни в силу выхода на историческую арену огромных народных масс. В эпоху Французской революции и правления Наполеона это породило новые проблемы административного руководства.

Такие явления оказывают влияние на характер дискурса, который утрачивает свойство чистой абстракции. Так возникают определенные типы дискурсов, имеющих собственный характер историзма.

Можно определенно утверждать, что концепция археологии знания стала не только отражением своеобразия формирования массового сознания и управления его процессами в XX в., но и предвосхищала бездуховные формы глобального управления массовым сознанием в XXI в.

Она объективно стала своеобразным *замещением* религиозных и идеологических форм определения исходных принципов миропонимания, массового поведения и получения конечных результатов практики жизни. Если религиозное массовое сознание получило понимание истины пути от Бога, то идеологически ориентированное массовое сознание опиралось на знание конечных целей истории.

Археология знания формирует массовое сознание путем дискурсивного *построения* правильности сознания по определенным правилам и в соответствии с ситуацией.

Ситуационная истина строится по определенному формату; она санкционируется определенными авторитетными группами лиц, так что за каждым утверждением дискурсивной истины стоит недискурсивный авторитетный контроль, в руках которого сосредоточен основной массив средств информации. Это – механизм «мягкой власти», обладающий возможностями создания *видимости истины*, а значит, и формирования нужного общественного мнения.

Механизмы информационного формирования видимости истины дискурсивных объектов особенно наглядно проявились в ходе президентской кампании 2016 г. в США. В ходе этой кампании со всей очевидностью обнаружилась реальность присутствия универсального Логоса. Замыслы, темы, смыслы завоевания глобального величия оказались в своей реализации зависимы от достижения глобальной безопасности. Это открытие раскололо американских избирателей. Археология знания не имела реальных ответов на современные глобальные проблемы.

Отстраняясь от закона становления разума в историческом движении, отказываясь от линейной модели и от модели потока сознания, археология знания предлагает иную модель историчности: это практика, обладающая собственными формами сцепления и последовательности смыслов. Она охотно говорит о разрывах и внезапных перераспределениях. И это можно понять, если действительная история – это лишь материал, который может использоваться и реконструироваться в связи с потребностями формирования дискурсивных объектов. Это объясняет и наличие разрывов и новых форм последовательностей во временном движении дискурсивных объектов и различных их трансформаций.

Так что такое дискурсивные формации, относятся ли они к сфере науки? Ответ на этот вопрос проясняется путем ссылки на клиническую медицину, которая не отвечает формальным требованиям науки, не достигает уровня строгости таких наук, как физика и химия, но не исключает некоторой научности.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Фуко считает, что совокупность элементов, сформированных дискурсивной практикой и необходимых для образования науки, хотя их предназначение и не сводится к ее созданию, можно назвать *знанием*.

Знание – это поле координации и субординации высказываний, это дискурсивная практика, которая формирует знание. Археология следует схеме: дискурсивная практика – знание – наука. Опыт формирования массового сознания на основе дискурсивной практики позволяет выявить эффективность тех или иных дискурсивных объектов, а это и есть то знание, которое может претендовать на специфическую научную достоверность. И здесь знание может проявлять себя не только в доказательствах, но и в институциональных распоряжениях, политических решениях [3, с. 181].

Иными словами, дискурсивная практика оправдывает себя в эффекте влияния на сознание и массовое поведение. Механизмы и правила, обеспечивающие постоянство успеха воздействия, можно считать содержащими элементы научного знания, хотя в целом дискурсивная практика не совпадает с научным развитием. Наука находит свое место в дискурсивной закономерности; но от дискурсивной практики зависит ее роль и функционирование. Иными словами, объективность научного знания не может иметь приоритета в дискурсивной практике, создающей соответствующие ее фундаментальным целям дискурсивные объекты. В этой практике идеологические цели могут восприниматься как «научные» или как замещающие объективность научного знания. Тем самым дискурсивная конструкция обретает ореол научного знания, хотя таковым она не является. Вместе с тем идеологические цели сохраняют свой субъективный смысл, но, сливаясь с дискурсивными объектами, они воспринимаются как объективированная реальность, обретающая научную значимость.

Таким образом, наука как дискурсивная практика среди других практик утрачивает свой безусловный приоритет, а ее идеологическое функционирование отражает ее включенность в структуру социальных и государственных интересов.

Доктрины гетеротопии и археологии знания, обосновавшие необходимость признания реальности многообразия «других мест» и отказа от линейной модели и модели потока сознания, «преодолевшие» общие законы цивилизационного развития и утвердившие «квазинаучность» дискурсивной объективности, в действительности оказались составной частью того идейного «взрывчатого вещества», которое вновь осуществило «разрушение разума».

Разрушение разума в XX в. было обусловлено разработкой и практической реализацией доктрины нацизма, которая была основана на толковании биологических особенностей этносов, выраженных в цвете кожи, характере волосяного покрова, в других физических особенностях, как свидетельства их различного местоположения в структуре расовой иерархии.

Так формировались якобы законные основания претензий «высшей» расы на господство в современном мире.

Эта концептуальная позиция игнорировала фундаментальную особенность сущности человеческих отношений, их коренное отличие от отношений между биологическими особями.

Истина человеческих отношений складывалась как интеллектуальное открытие, как идеальная сущность универсальной истины нравственной и правовой добродетели, фиксирующей тождество «Я» и «Другого», несмотря на все их эмпирические различия. Это – истина категорического императива, лежащая в основе нормального функционирования цивилизации. В конечном счете признание этой истины в качестве практического руководства на различных уровнях человеческой жизни становится условием самосохранения цивилизации. Отступление от этой истины всегда влекло за собой неразрешимые антагонизмы в жизни общества.

В современную эпоху, когда человек создал универсальное средство самодеструкции человечества, эта истина обнаруживает свой судьбоносный смысл.

Человечество реально оказалось перед *метафизической проблемой*, проблемой практической возможности осуществления философской трансформации, изменения своего местоположения как перехода из состояния *реального бытия* в «состояние» *ничто*.

Как выглядят политические страсти в борьбе за гегемонию перед реальностью этого перехода? Они выглядят как проявление убожества эгоцентрического цивилизационного мышления. Это – неспособность подняться до осмысления новых направлений трансформации традиционных форм политики. Это – глобальные решения, в которых определяется путь слияния конечного и бесконечного, единство реального и идеального. Это – время бытия как универсального местоположения человечества, реализуемого в глобальных формах практической деятельности.

Концепция Фуко, утверждая методологию *«рассеяния»*, исключает саму возможность универсального местоположения человечества, а значит и единства идеального в различных формах реальной жизни, создания предпосылок бесконечного сохранения жизни в конечных формах цивилизационной практики.

Эта концепция не знает универсальных форм практики и тем самым сохраняет концептуальную слепоту в отношении цивилизационного будущего человеческого рода. Она нацеливает на удовлетворение сиюминутным успехом здесь и сейчас с помощью дискурсивного объекта, оправдывающего любое нарушение объективной истины ради достижения успеха. Однако в итоге приходится мириться с подменной истины классической философии суррогатом философской мысли, которая, возрождая славословие видимости частного успеха в конечном счете приводит к трагедии тотального поражения.

Глобальная реальность, рожденная образами гетеротопии, возвращается к исключительному субъекту, проходя через «зеркало», через призму практических следствий формирования «нового порядка», т.е. через призму объективной истины, основанной на реалиях «почвы». Она возвращается в форме действительного знания к субъекту, раскрывая его истинную сущность, с которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не может согласиться.

Конечно, было бы некорректным обвинять М. Фуко в возникновении катастрофических тенденций глобального развития в XXI в.

Он осуществил феноменальную по своим масштабам теоретическую работу. Его идеи достойны самого серьезного исследования. Но вместе с тем очевидно, что они дали толчок фундаментальным практическим разработкам по созданию глобальных механизмов формирования массового сознания, которое при своей практической реализации приближает современный мир к глобальной катастрофе. Политическая бомба, которую заложили гегемонистские силы под существующую цивилизационную систему, может «сработать» в том случае, если массы будут «ведомы» информационными разработками, которые заготовлены и готовятся за кулисами современной общественной жизни. Эти разработки не сработают, если гуманитарное знание раскроет их реальный смысл и те цели, которые являются продуктом безумных амбиций, влекущих цивилизацию в термоядерную пропасть.

Мишеля Фуко можно считать автором концепции идеологии нового типа. Анализируя слова и вещи, их взаимосвязь, создающую через посредство «всеобщей грамматики» словесный порядок, рождающий собственный объект, который является не мышлением, а дискурсивной, понимаемой как последовательность словесных знаков, создающую иную объективность, воспринимаемую как овеществленная идеология.

Библиография

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.
2. Сковрцов Л.В. Цивилизационные размышления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 384 с.
3. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. 208 с.

References

- Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka. Moscow; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2016. 736 p.
- Skvortcov L.V. Civilizacionnye razmyshlenija. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2016. 384 p.
- Fuko M. Arheologija znanija. Kiev: Nika-centr, 1996. 208 p.